ДВА КОРАБЛЯ ВО ЛЬДАХЪ.

Два англійскія военныя судна Эребусъ и Терроръ въ 1842 году ходили вмѣстѣ за открытіями къ южному полюсу. Сѣверный полюсъ, гдѣ вѣчные льды и морозы, за нашимъ Ледовитымъ моремъ, еще на сѣверъ отъ Сибири; а южный, гдѣ такіежъ морозы и такіежъ вѣчные льды, насупротивъ сѣвернаго: какъ бы яблоко проткнуть насквозь, отъ цвѣтка до стебелька, то по одну сторону будетъ сѣверный полюсъ, напримѣръ у стебля, а по другую, у цвѣтка, южный.

Итакъ плавали они однажды, въ мартѣ, при самомъ свѣжемъ нордвестѣ; густой туманъ сталъ прочищаться и показались тутъ и тамъ льдинки; къ ночи вѣтеръ сталъ еще крѣпчать и повалилъ густой снѣгъ. Убавили парусовъ, опасаясь всего болѣе ледяныхъ пловучихъ горъ, которыхъ не видно было за вьюгой; а пловучія льдинки показывали, что горы эти не за горами. Взяли всѣ рифы на Эребусѣ и стали готовиться къ повороту, чтобы лечь на

другой галсъ, какъ ледяная скала, которой не видно было ни конца, ни начала, показалась предъ носомъ. Эребусъ тотчасъ привелъ на лѣвый галсъ, надѣясь пройти на вѣтрѣ у скалы — но въ ту же минуту увидѣлъ товарища своего, Террора, который спускался подъ марселями и фокомъ прямо на Эребусъ.

За темнотою и мятелью Терроръ набѣжалъ уже такъ близко, что нельзя было успѣть ему привести, а по тѣснотѣ также нельзя было пройти между ледяной скалой и Эребусомъ. Этотъ въ минуту положилъ всѣ паруса на стеньгу, но суда столкнулись такъ, что ни одинъ человѣкъ не устоялъ на ногахъ. На Эребусѣ переломился бушпритъ, слетѣла форъ–стеньга, и еще нѣкоторыя части рангоута; оба судна сцѣпились, спутались такелажемъ и рангоутомъ, бились другъ о друга, среди тьмы и мятели, подъ ледяной сплошной скалой, куда несло ихъ вмѣстѣ при жестокомъ вѣтрѣ и волненіи. То подымался на волну Терроръ, такъ что обнажалась вся подводная часть его, до самаго киля — то

онъ падалъ въ раздолъ между двухъ огромныхъ валовъ, и Эребусъ въ это время, со скрыпомъ, трескомъ и ломкой, подымался на хребетъ валовъ. Шлюпки и ростры трещали и ломались; вѣтеръ вылъ, а подъ бокомъ прибой къ ледяной скалѣ!

Но послушная и безстрашная команда на обоихъ судахъ, вмигъ обрубила и распутала снасти и суда разошлись, прежде чѣмъ ихъ привалило ко льду. Терроръ, на которомъ было меньше ломки, обогнулъ скалу и за нею скрылся. Эребусъ бился еще; онъ весь до того заваленъ былъ обломками, что нельзя было поставить парусовъ, взять передній ходъ и поворотить чрезъ фордевиндъ — а между тѣмъ находился такъ близко къ скалѣ, что къ нему долетали брызги разбивавшихся объ нее волнъ. Оставалось одно: взять задній ходъ и пятиться кормою до выхода на просторъ. Это, конечно, при штормѣ, было очень опасно — да другаго спасенія не было. При жестокой, порывистой качкѣ, реи бились о ледяную стѣну, такъ что мачты трещали; но матросы, незная страху, отдали гротъ,

среди рева бури, треска рангоута и гула волненія и прибоя; обрасопили грота–рей, посадили галсъ и положили гротъ на мачту: зарываясь кормой, судно взяло однакоже ходъ; волненіемъ сорвало шлюпку съ ростръ, ноки реевъ трещали и чертили по ледяной отвѣсной стѣнѣ — но судно вышло къ проходу, къ поперечному проливу между сплошными ледяными горами, благополучно спустилось въ узкій проливъ и тамъ, подъ защитой скалъ этихъ, начало исправляться. Терроръ, который между тѣмъ обогнулъ гору, спросилъ пушкой вѣстей. Эребусъ отвѣчалъ: живъ! Къ свѣту исправился онъ на столько, что могъ опять свободно управлять парусами, и вышелъ изъ ледянаго пролива.

Но на разсвѣтѣ увидѣли еще вотъ что: сплошная цѣпь ледяныхъ горъ, оставшаяся на вѣтрѣ, тянулась въ обѣ стороны отъ прохода, въ который попали суда, безъ конца: если бы суда не столкнулись у прохода этого и не прошли оба въ него на волю, а если бы вмѣсто того продолжали итти далѣе вдоль стѣны, то, можетъ быть, и

не нашли бы никакого выхода оттуда и были бы вовсе затерты льдами.

Одна бѣда выручила отъ другой: а коли двѣ бѣды на носу, такъ смѣло хватайся за меньшую.